

УДК 364.054:930.253(470.6)

ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА В НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

© Павел Григорьевич НЕМАШКАЛОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права
Ставропольский государственный педагогический институт
355029, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»
E-mail: paul_2@rambler.ru

Народные училища – образовательные учреждения дореволюционной России. Согласно Уставу о народных училищах для всех городов Российской империи от 5 августа 1786 г. были организованы Главные и Малые народные училища. Во время школьной реформы 1804 г. Главные народные училища преобразованы в гимназии, а Малые в Уездные училища. Начальные народные училища были созданы в 1864 г. и давали только начальное образование. К ним относились земские школы, различные ведомственные и частные школы, а также церковно-приходские и воскресные школы. Их деятельность регулировалась Положением о начальных народных училищах, принятом в 1874 г. В условиях колонизации Северного Кавказа постоянно ощущалась необходимость кадрового обеспечения во всех сферах общественной жизни и государственного управления, включая просвещение, а также стремление обеспечить поддержку политики власти со стороны местных жителей. Одной из попыток решения этой проблемы было развитие народных училищ, ориентированных не только на подготовку мальчиков к писарским должностям, но и просвещение населения. Эта задача приобретала особую важность в контексте потребностей образования и воспитания населения региона в традициях православно-славной культуры через познание Закона Божия. С привлечением широкого круга источников проведен анализ положения священнослужителей в начальных школах Северного Кавказа, определен их статус в решении вопросов образовательного процесса и участие в управлении.

Ключевые слова: история Русской православной церкви; Северный Кавказ; образование; просвещение; священнослужители

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-115-120

Формирование единого социокультурного пространства Российской империи в первой половине XIX века проходило в условиях территориального расширения границ государства и вхождения в его состав новых народов. Одним из способов решения поставленной задачи было создание начальных народных училищ, основной целью которых было утверждение в народе религиозных и нравственных понятий, распространение первоначальных полезных знаний. Активное участие в этом процессе принимали представители Русской православной церкви.

Как известно, первая попытка открытия русской школы на Северном Кавказе была предпринята еще при работе осетинского православного подворья в 1744 г. В дальнейшем школа была переведена в Моздок, где только к концу века организаторы смогли наладить образовательный процесс и содержание обучающихся [1]. На момент образования в 1843 г. Кавказской епархии при приходских церквях региона насчитывалось 14 народных школ, в которых обучалось 528 мальчиков и 4 девочки при 15 наставниках

[2, л. 86-87об.]. Благодаря усилиям Кавказской консистории с этого момента начинается открытие народных школ при церквях епархии, которых к концу завершения масштабных военных действий на Кавказе только в приходах Ставропольской губернии находилось более 50 [3, с. 21].

Открытые на Северном Кавказе школы с участием православной церкви поддерживались Палатою государственных имуществ, полковым начальством, церквями и частным образом. Однако условия содержания этих учебных заведений оставляли желать лучшего. Размещались школы в общественных домах, наемных квартирах и церковных сторожках. Почти все школы страдали от тесноты и неудобства помещений. Финансовое положение Кавказских народных школ было еще более разнообразно. Казенные школы содержались за счет общественного сбора, то есть на суммы, собираемые Палатой государственных имуществ с государственных крестьян вместе с подушным окладом, а обучение готовящихся к писарским должностям мальчиков – на мирской сбор, то есть на

деньги, собираемые с той сельской общины, из которой он избирается для школы.

Для замещения учительской вакансии в начальной школе все желающие, согласные на условия оплаты и проживания, должны были представить аттестат, дающий право преподавания на имя председателя попечительства [4, с. 9]. Для назначения приходских священников на должности законоучителей устанавливался особый порядок. Священник заявлял о своем желании преподавать в училище Закон Божий инспектору народных училищ; последний или непосредственно, или через директора училища делал представление епархиальному архиерею об утверждении священника в должности законоучителя. В процессе рассмотрения кандидатуры архиерей мог выбрать из нескольких кандидатур более достойного [5, с. 923-924]. Во многом выбор зависел от уровня образования претендента и его нравственных качеств. За выполнение преподавательских обязанностей назначенный кандидат мог претендовать на вознаграждение от общества, за счет которого содержалось училище [6, л. 1-1об.], но чаще обещанное не выплачивалось [7, с. 281-284].

Утверждение священника в должности законоучителя гарантировало его свободную и независимую деятельность как преподавателя школы. Будучи утвержденным в должности законоучителя епархиальным архиереем, священник не мог быть ни временно устранен, ни окончательно уволен от должности кроме как архиереем. Однако встречались случаи, когда вмешательство высшей церковной власти и руководства училища в разрешение конфликтных ситуаций было необходимым. Так, например, попечитель Кавказского учебного округа в отношении своем к преосвященному от 14 февраля 1875 г. указал, что при ревизии одного станичного училища учитель этого училища заявил ему, что законоучитель относится к нему не всегда учтиво и позволяет себе держаться перед ним как начальник. Инспектор просил его мирно и дружно работать с учителем и стремиться к одной цели – преуспеванию училища, но следом за этим священник позволил себе превышение власти тем, что предложил станичному правлению уволить из школы немедленно всех девочек, которым больше 12 лет. По этому случаю инспектор объяснил

станичному правлению, что священник не имеет права делать распоряжения по станичному училищу, так как круг его обязанностей в училище ограничивается лишь преподаванием Закона Божия. Он просил учесть, что женское образование находится в регионе в зародыше, поэтому необходимо способствовать росту числа девочек, желающих учиться. Епископ Кавказкой епархии предписал внушить этому священнику, чтобы он ограничил свою деятельность преподаванием Закона Божия и не вмешивался в дела школы [8, с. 162-163].

Нередко возникали случаи, когда назначенные на должности священники пропускали ведение уроков в школах. Министр народного просвещения неоднократно просил Синод принять решение, чтобы законоучителями в учебные заведения, подведомственные министерству народного просвещения, избирали «таковых священнослужителей, какие как можно меньше были заняты в должности по епархиальному управлению».

Особыми указами архиереям предписывалось контролировать добросовестное выполнение священниками преподавательских обязанностей. Для этого в конце каждого полугодия епархиальное начальство от училищ получало ведомости о числе пропущенных уроков с показанием причин отлучки [9, л. 1-2]. Однако из-за нехватки кадров Кавказской епархии приходилось долгое время идти на уступки священнослужителям. Так, например, Дирекция училищ Кавказской области и Черномории, сообщая о пропущенных законоучителями Дирекции уроках за вторую половину 1842 г. указала, что протоиерей К. Крастилевский пропустил 17 уроков, а священник М. Шелестов из Екатеринодарского уездного училища – 21 урок. Кавказская духовная консистория в своем ответе Дирекции указала, что «уроки пропущены по довольно уважительным с их стороны причинам: К. Крастилевским по занятию церковными делами, и М. Шелестовым по увольнению самой Дирекции, а потому не подвергать их никакой ответственности и принять это к сведению» [10, с. 580].

Обязательное участие священнослужителей в образовательном процессе закреплял «Устав о воинской повинности», который давал право получения ученикам начальных училищ льготных свидетельств училищным

советом, но только на основании представления преподавателей училища, признающих представленных учеников достойными прав на льготу. Ученики двухклассных училищ по окончании курса пользовались высшей льготой в отличие от учеников начальных школ, которые получали непосредственно от преподавателей училища свидетельства, дающие им льготные права по воинской повинности [5, с. 923-924]. По установленным правилам льготные свидетельства могли выдавать только те начальные училища, которые имели двух преподавателей – законоучителя и учителя, утвержденных установленным порядком в своих должностях.

Еще одной проблемой в работе школ были несостыковки в их управлении. Двойственность их подчинения приводила к обострению конфликта между руководством училищ и Кавказской епархией. Так, в своих отчетах за 1875 г. инспектор народных училищ Кубанской области Блюдов указал, что «законоучителей при 193 станичных училищах числится 154 <...> весьма значительное число священников ограничивают преподавание только несколькими уроками <...> небрежное отношение священников к законоучительским обязанностям показывает, что распоряжение преосвященного Германа об обязательном преподавании священниками Закона Божия остается для весьма многих мертвою буквою» [11, с. 706-709]. Тяжесть обвинения дополнялась тем, что отчеты попечителя учебного округа подавались на рассмотрение наместника Кавказского Великого князя и не могли не сопровождаться серьезными последствиями.

Нужно отметить, что в предыдущем отчете за 1874 г. отмечалось, что «почти большинство священников Северного Кавказа поверхностно относятся к обязанностям преподавания Закона Божия, а порой вовсе не посещают школу». В результате этого епископ Кавказский велел строго внушать законоучителям сельских школ более усердно и добросовестно выполнять свои обязанности. Однако когда епископ обратился к Учебному округу с просьбой назвать имена священников-нарушителей, округ не смог назвать ни одного священника. Архипастырь, ввиду важности обвинения, распорядился произвести следствие в отношении преподавания указанными лицами в предыдущих отчетах.

Проведенное следствие показало, что было немало таких нарушений [11, с. 712-716]. Так, священник станицы Безскорбной Н. Какаев обвинялся в том, что хотя и считался законоучителем, но перестал преподавать. Оказалось, что он *преподавал* с сентября 1875 г. в станичной школе по два урока в неделю, по понедельникам и субботам, и им было дано 30 уроков без всякого *вознаграждения*, что подтвердило станичное правление. При опросе учеников в присутствии следователя, станичного атамана, попечителя и учителя школы учащиеся, посещавшие школу, показали удовлетворительные знания в Законе Божьем.

Священник станицы Урупской А. Менатиев обвинялся в том, что *ограничил преподавание* только несколькими уроками и *получил* от общества 60 руб., дав только 15 уроков. Следствие показало, что он провел около 40 уроков, о чем свидетельствовало и местное станичное правление. Правление показало, что хотя и было установлено вознаграждение в указанном размере, но из-за отсутствия денег А. Менатиев *не получал* их от правления. Он не получил жалование и за 1875 г. Опрос учеников в присутствии следователя, почетного блюстителя, станичного атамана и учителя показал знание школьниками молитв с переводом на русский язык и с подробным разъяснением их содержания, знание двенадцатых праздников, что, конечно, свидетельствовало о постоянном и добросовестном труде священника.

Законоучитель Старошербиновского училища, священник Е. Гребенник, обвинялся инспектором в том, что, получая от общества 150 руб. вознаграждения, дал *всего 26 уроков* и в одном *только старшем отделении*. По материалам следствия оказалось, что в училище действуют три отделения, и во всех священником Е. Гребенником Закон Божий преподавался; учитель школы показал, что священником только за 1875 г. *был дан 51 урок*, и, кроме того, из-за болезни другого учителя он заменял его в течение 34 дней по два часа. За указанную сумму священник вел не только Закон Божий, но и собирал хор певчих, которых обучал нотному и церковному пению. Станичный атаман указал, что от общества на священника никогда не поступало жалоб, а на сходах люди неоднократно выражали благодарность за обучение

детей. Законоучитель занимался в каждом из трех отделений три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, употребляя на каждое отделение по 1¼ часа.

Законоучитель Шкуринской станичной школы священник А. Крастилевский обвинялся в том, что в течение 1875 г. дал всего *6 уроков*. На следствии, под присягой, учитель школы, сторож и другие свидетели показали, что в течение года *дал не менее 60 уроков*, посещал школу два раза в неделю по средам и субботам, кроме Великого поста. *За свой счет* выписал для детей учебники.

Часто священнослужителям приходилось довольно тяжело доказывать несправедливость обвинений по отношению к их преподавательской деятельности. Для тех священников, которые достигали высоких результатов в сфере народного просвещения в духе православной церкви, Синод предусматривал поощрение. Духовным консисториям разрешалось выдавать от имени Синода особые «книжки, за надлежащим подписанием и печатью», при этом вопрос о награждении решался самостоятельно без согласования с высшим руководством [4, с. 1-2].

Вполне осознавая важную роль законоучительства в народных школах для развития религиозно-нравственной жизни населения Северного Кавказа, надо отметить, в каких неблагоприятных условиях решалась эта задача. К ним надо отнести неопределенность отношений между учителем и законоучителем. Эти отношения не были урегулированы ни в «Положении» о начальных народных училищах 1874 г., ни в других законодательных актах, что на практике вело к нареканиям и несогласованности и находило отражение на учебном процессе. Учителя считали себя хозяевами школы, дискриминировали положение законоучителей, которые иногда по этой причине вообще оставляли преподавание. Инспекторы народных школ часто игнорировали священников и составляли представление о преподавании предмета только по успехам учащихся, на основании чего делали отзывы, касающиеся преподавательской работы священнослужителей. Священники не могли мириться с таким положением, поскольку и по образованию, и по сану находились выше учителей, а главная цель существования народных школ – это утверждение в народе религиозных и нравствен-

ных понятий, достижение которой реализовывалось преимущественно законоучителями. Духовенство Кавказской епархии находилось еще более в невыгодном положении в сопоставлении с клиром других регионов России, поскольку в Кавказском крае не было училищных советов, и потому духовенство не имело возможности участвовать в решении вопросов, относящихся к благоустройству школ [12, с. 13-20].

В преподавании Закона Божия законоучителя были предоставлены сами себе, поскольку до конца XIX века практически не было никаких учебных пособий и руководств по преподаванию предмета, а также программ обучения. Отсутствие методических разработок вело к тому, что каждый законоучитель организовывал учебный процесс по своему усмотрению. Следует заметить, что ученики посещали школу крайне не регулярно, что сводило к нулю усилие самого хорошего и усердного преподавателя.

Как показал проведенный выше анализ источников, в большинстве школ Северного Кавказа законоучителя за свой труд не получали вознаграждения. Конечно, можно было требовать от священников, чтобы они обучали даром. Для них и отсутствие вещественного вознаграждения не служило поводом к уклонению от работы в школах, тем более что оно никогда не оставалось без вознаграждения со стороны собственной совести, со стороны прихожан. Однако не стоит забывать, что большинство священников были многодетными и должны были содержать большое семейство, «а по своему положению не имеют возможности приобретать их кроме как от пасомых или от правительства» [13, с. 742-750].

Каждый священник охотно соглашался исполнять свои обязанности, ощущая прочность своего положения, установленную законом в деле религиозного просвещения подрастающего поколения. Поскольку находились возможности строить школы по смете в 3 и более тысяч рублей, а также выплачивать жалование учителям по 300 руб., тратить на приобретение литературы и учебники значительные суммы, то вознаграждение привлекаемому священнику на этом фоне не было бы обременительным. Даже незначительная сумма могла быть хорошим подспорьем в больших семьях священнослужи-

телей и могла служить стимулом к добросовестному выполнению своих обязанностей.

Таким образом, как свидетельствуют источники, в значительной мере нравственно-религиозное воспитание местных жителей в силу трудностей становления народных училищ оставалось исключительно на совести священников-законоучителей, так как участие священников в педагогическом процессе наталкивалось на ряд финансовых, региональных и иных препятствий, среди которых важным оставалось зависимое от местной администрации положение преподавателей Закона Божия.

Список литературы

1. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Ч. 1. Ставрополь, 1913.
2. ГА СК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 135. Оп. 1. Д. 169.
3. ГА СК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 266а.
4. Ставропольские епархиальные ведомости. 1885. 2 января.
5. Кавказские епархиальные ведомости. 1879. 1 декабря.
6. ГА СК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 204.
7. Кавказские епархиальные ведомости. 1876. 16 апреля.
8. Кавказские епархиальные ведомости. 1975. 1 марта.
9. ГА СК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1319.
10. ГА СК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 877.
11. Кавказские епархиальные ведомости. 1876. 16 октября.
12. Ставропольские епархиальные ведомости. 1886. 1 января.
13. Кавказские епархиальные ведомости. 1876. 1 ноября.

References

1. *Trudy Stavropol'skoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of Stavropol Scientific Archival

Commission], no. 4, part 1. Stavropol, 1913. (In Russian).

2. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, list 169. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State archive of Stavropol territory], fund 361, file 1, list 266a. (In Russian).
4. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol eparchial journal], 1885, 2 January. (In Russian).
5. *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Caucasian eparchial journal], 1879, 1 December. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, list 204. (In Russian).
7. *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Caucasian eparchial journal], 1876, 1 April. (In Russian).
8. *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Caucasian eparchial journal], 1975, 1 March. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State archive of Stavropol territory], fund 90, file 1, list 1319. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, list 877. (In Russian).
11. *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Caucasian eparchial journal], 1876, 16 October. (In Russian).
12. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol eparchial journal], 1886, 1 January. (In Russian).
13. *Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Caucasian eparchial journal], 1876, 1 November. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.09.2016 г.

Received 17 September 2016

UDC 364.054:930.253(470.6)

THE CLERGY'S POSITION IN PUBLIC SCHOOLS IN NORTH CAUCASUS IN XIX CENTURY

Pavel Grigorevich NEMASHKALOV

Candidate of History, Associate Professor of History and Law Department

Stavropol State Pedagogical Institute

417 A Lenina St., Stavropol, Russian Federation, 355029

E-mail: paul_2@rambler.ru

Public schools are educational establishments of pre-revolution Russia. According to Charter about public schools for all cities of the Russian empire from 5th August, 1786 Main and Small public schools were organized. During school reform in 1804 Main public schools were regenerated in gymnasiums and Small in district schools. Initial public schools were created in 1864 and could give primary education only. State schools, different department and private schools, and also church-parish and Sunday schools, referred to them. Their activity was regulated by Statute about initial public schools, accepted in 1874. In the conditions of colonization of North Caucasus the necessity of the skilled providing was constantly felt for all spheres of public life and state administration, including enlightenment and also aspiration to provide support of politics of power from the side of locals. One of attempts of this problem's decision was development of the public schools oriented not only on preparation of boys to copyist positions but also on enlightenment of the population. This task acquired the special importance in the context of necessities of education and population's education of region in traditions of the Orthodox culture through cognition of Law of the Lord. With bringing in the wide circle of sources an analysis is conducted from the position of clergymen in initial schools of North Caucasus, their status in the decision of questions of educational process and participation in management.

Key words: history of the Russian Orthodox Church; North Caucasus; education; enlightenment; clergymen

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-115-120

Информация для цитирования:

Немашкалов П.Г. Положение духовенства в народных училищах на Северном Кавказе в XIX веке // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 12 (164). С. 115-120. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-115-120.

Nemashkalov P.G. Polozhenie dukhovenstva v narodnykh uchilishchakh na Severnom Kavkaze v XIX veke [The clergy's position in public schools in North Caucasus in XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 12 (164), pp. 115-120. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-12(164)-115-120. (In Russian).